

письменности на восточнославянской территории, для которого была характерна нестабильность графических систем. На нынешней стадии изученности проблемы следует учитывать все возможные интерпретации. В данном контексте знаки на пряслице середины X в. с «Рюрикова» городища не являются исключением, но, на наш взгляд, прочитанные с «позиции» славянских алфавитов, они могут свидетельствовать об освоении элементов славянской письменности в центре Северной Руси еще до принятия Русью христианства. Предположение, что в эту эпоху восточные славяне начинают использовать в деловых и бытовых целях греко-славянскую письменность, кажется вполне приемлемым,⁵¹ поскольку процесс освоения различных графических систем теснейшим образом связан со становлением государственности. Интенсивные политические и культурные контакты с Византией и Болгарией оказали значительное влияние на формирование городской культуры Киевской Руси. Важное значение имели и древнейшие западнославянско-древнерусские (древне-новгородские) языковые и культурные связи. Еще в начале века на них обращали внимание А. А. Шахматов и Н. К. Никольский. В лингвистической и историко-археологической литературе последнего времени эти факты получают все большее подтверждение.⁵²

Примечательно, что основные элементы материальной культуры «Рюрикова» городища, которые можно атрибутировать как славянские (керамика, хлебные печи, двушипные наконечники стрел), находят параллели на западнославянских землях, прилегающих к Балтийскому морю.

А. А. Ю Ш К О

ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСТОЧНИКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ МОСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ XII—XIII вв.

Своеобразие изучаемого региона, который позже явился ядром Русского централизованного государства, заключается в том, что к началу процесса сложения государственности здесь (30—40-е гг. XII в.) вся эта территория оказалась поделенной между крупнейшими соседними княжествами — Черниговским, Смолен-

⁵¹ *Медынцева А. А.* Новгородские находки и дохристианская письменность на Руси. — СА, 1984, 4, с. 59—60.

⁵² *Херрман И.* Полабские и ильменские славяне в раннесредневековой балтийской торговле. — В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 191—196; *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982, с. 21; *Вечерка Р.* Письменность Великой Моравии. — В кн.: Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985, с. 174—195.

ским, Владимиро-Суздальским и Рязанским. Вследствие этого понятие «Московская земля» — чисто географическое, а не историческое и под ним подразумевается та ближайшая к Москве территория, которая в конце 30-х гг. XIV в. оказалась включенной в состав Московского княжества Ивана Калиты.¹

В рамках настоящей статьи нет необходимости останавливаться на эволюции понятия государственности в русской историографии. Это блестяще проделано А. Н. Насоновым в его монографии,² выход в свет которой ознаменовал собой принципиально новый подход к проблеме сложения государственной территории. В отличие от многих буржуазных ученых (С. М. Соловьева, М. К. Любавского и др.), рассматривавших процесс образования государства просто как развитие колонизационных потоков вширь, А. Н. Насонов связывал этот процесс прежде всего с распространением суда и дани, исходя из ленинской концепции понятия государства как аппарата насилия.

Тем самым был переведен в иную плоскость и сам ход конкретного исследования материала, связанного с этой проблемой. В конце 60—середине 70-х гг. появляется ряд статей В. А. Кучкина по вопросам политической истории княжеств Северо-Восточной Руси, в 1984 г. — его книга,³ а также сборник статей, посвященный изучению древнерусских княжеств X—XIII вв.⁴ В отдельных статьях этого сборника на конкретном материале был подтвержден тезис А. Н. Насонова о том, что образование государственной территории не сводится к проблеме создания этнического единства, ибо это два разных процесса,⁵ хотя иногда они и совпадают.⁶

Как справедливо заметил В. А. Кучкин, вопрос о границах княжеств приобрел особую остроту с того периода, когда князья становились государями особых владений, что приводило к неизбежным столкновениям между ними.⁷ Именно в связи с этими столкновениями на страницы летописей проникли первые сведения о городах Московской земли.

Сложение черниговско-суздальского рубежа в целом просле-

¹ Юшко А. А. О пределах Московского княжества Ивана Калиты. — СА, 1985, № 2, с. 116—129.

² Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. 260 с.

³ Кучкин В. А. 1) Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в. — В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. 64 с.; 2) Ростово-Суздальская земля в XII—первой трети XIII в.: (Центры и границы). — История СССР, 1969, № 2, с. 63—94; 3) Формирование княжеств Северо-Восточной Руси в послемонгольский период (до конца XIII в.). — В кн.: Историческая география. М., 1970, с. 96—125. (Вопросы географии; Сб. 83); 4) Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. 349 с.

⁴ Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. 302 с.

⁵ Зайцев А. К. Черниговское княжество. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв., с. 65.

⁶ Седов В. В. Смоленская земля. — Там же, с. 259.

⁷ Кучкин В. А. Формирование государственной территории..., с. 76.

жено А. Н. Насоновым,⁸ а вслед за ним — В. А. Кучкиным⁹ и А. К. Зайцевым¹⁰ (рис. 1). Как видим из приведенной карты, граница эта несколько различна у всех троих исследователей. Установление ее базируется на летописных свидетельствах о черниговских волостях и пунктах, расположенных по течению р. Оки. Это Колтеск на месте современного правобережного с. Колтова (1146 г.),¹¹ волость Лопасна в нижнем течении р. Лопасни и на правобережье р. Оки с центром на месте городища у д. Макаровка (1176 г.)¹² и волость Сверилеск.¹³ Все эти свидетельства дали основание А. Н. Насонову провести северную границу черниговских владений по левобережью р. Оки с учетом расположения волости Лопасны. Граница пересекает среднее течение одноименной реки, в 25—30 км к северу от р. Оки (см. рис. 1). Граница, предложенная В. А. Кучкиным, близка той, которую провел А. Н. Насонов. Граница, проведенная А. К. Зайцевым, представляется необоснованно удаленной от р. Оки (до 50 км).

Однако северный рубеж черниговских владений, очевидно, не обязательно должен был означать начало владений Ростово-Суздальской земли, как это полагали исследователи начиная с А. Н. Насонова. Этому в значительной мере еще содействовала и ошибочная локализация А. Н. Насоновым владими́ро-суздальского пункта Голубино, упоминаемого летописью под 1209 г., в современном Михневском районе Московской области,¹⁴ близ северной черниговской границы, о чем подробнее речь будет ниже.

Думается, что процесс окняжения свободной общинной территории был постепенным, и именно эта постепенность предполагала наличие земель, не подвластных на определенном этапе

⁸ Насонов А. Н. «Русская земля»..., с. 183—185.

⁹ Кучкин В. А. Формирование государственной территории..., с. 76—78.

¹⁰ Зайцев А. К. Черниговское княжество, с. 102.

¹¹ ПСРЛ. 3-е изд. М., 1962, т. II, стб. 28.

¹² Там же, стб. 118; Юшко А. А. О некоторых волостях и волостных центрах Московской земли XIV в. — В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 282—284.

¹³ ПСРЛ, т. II, стб. 118. — Центр этой волости многими исследователями отождествлялся с современным селом Северским, расположенным на р. Северке, близ ее впадения в р. Москву (Насонов А. Н. «Русская земля»..., с. 66, 230; Кучкин В. А. Формирование государственной территории..., с. 78; Зайцев А. К. Черниговское княжество, с. 80, карта-вклейка). Этому как будто бы соответствуют и археологические данные: на месте современного села выявлено обширное селище XII—XVII вв. с мощным культурным слоем — до 1 м (Юшко А. А. Отчет о работе в Смоленской и Московской областях в 1972 г. — Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 5077). Однако данные лингвистики не позволяют согласиться с этой локализацией. Большие основания имеются связывать слой XIV в. в с. Северском с великокняжеским селом «на Северсье в Похрянском уезде» духовной грамоты Ивана Калиты (ок. 1339 г.). (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / Подг. к печати Л. В. Черепниним. М.; Л., 1950, с. 7, 9. — Далее: ДДГ).

¹⁴ Насонов А. Н. «Русская земля»..., с. 184.

княжеской власти. Во всяком случае мы имеем определенные летописные свидетельства о том, что южный рубеж ростово-суздальских земель располагался гораздо севернее крайних черниговских волостей. Прежде всего летописные упоминания о Москве 1147¹⁵ и 1156 гг.¹⁶ указывают на то, что город принадлежал ростово-суздальскому князю Юрию Долгорукому. О том, что Москва была крайним юго-западным пунктом Владимиро-Суздальского княжества, за земли которого могли воевать соседние князья, прямо указывает краткое летописное свидетельство Симоновской летописи о событиях 1209 г.: «Тое же зимы Рюрик Михаил с Изяславом пришедше, начаша воевати волость Всеволожу великого князя близ Москвы».¹⁷ Юго-западным форпостом Ростово-Суздальского княжества считал Москву и С. Ф. Платонов.¹⁸

Таким образом, среднее левобережье р. Москвы в середине XII—начале XIII в. относилось к ростово-суздальским владениям и границей княжества, видимо, было течение р. Москвы.

Немаловажное значение для определения границ княжеств имеет летописный сюжет о событиях 1209 г., который Воскресенской летописью освещен гораздо подробнее, чем Симоновской. Приведем его полностью. «Приходиша к Москве рязанские два князя Изяслав Володимерич и Кюр Михаил Всеволодич, слышаша бо, яко сынове Всеволожи отошли суть на Тверь противу новгородцем, а сего не ведаху, яко урядившеся с новгородци приидоша со Твери в Володимер ко отцу своему, начаша же воевати села около Москвы. Слышав же князь великий Всеволод, посла противу им вборзе сына своего Георгия, пришедшу же ему на Голубино вечер, и посла сторожи пытати рати, и бысть ему весть, оже Изяслав стоит на Мерске, а Кюр Михаил на Литове, а люди своя распустиша воевати. Георгий же поиде через ночь противу на Мерску, той бе ему наперед, и был на Волочке и оттоле уряди сторожевый полк за реку Клязьму, а сам поиде за ними же, и в ранюю зарю сретошася сторожеве их, и погнаша Юрьевы сторожи Изяславлих и гнаша их лесом секуще я. Георгий же поиде за ним вборзе с полком своим и прииде к реце Дроздне и ту удари на Изяслава, он же побеже, а дружину его избиша, а другие изымаша, а сам утече через реку, и многа дружина истопоша около его. Слышав же Кюр Михаил, оже Изяслав побежен, и беже и сам с полком своим, бяше бо тогда великий четверток и Собор Архангела Гавриила, князь же Георгий возвратися с победою ко отцу своему в Володимер с великою честию».¹⁹

¹⁵ ПСРЛ, т. II, стб. 29; М.; Л., 1949, т. XXV, стб. 39.

¹⁶ Там же. М., 1965, т. XV, вып. 2, с. 225.

¹⁷ Там же. СПб., 1913, т. XVIII, с. 46.

¹⁸ Платонов С. Ф. О начале Москвы: Статьи по русской истории. СПб., 1903, с. 103.

¹⁹ ПСРЛ. СПб., 1856, т. VII, стб. 116.

Очевидно, что содержащаяся в этом отрывке географическая номенклатура определяет ту порубежную с рязанскими землями территорию Владимиро-Суздальского княжества, на которой развернули военные действия рязанские князья. Судя по упоминанию р. Дроздны (ныне Дрезны),²⁰ притока р. Клязьмы, впадающего в нее близ г. Орехово-Зуево, понятия «к Москве», «села около Москвы» были довольно широкими. А. Н. Насонов ошибочно связывал с локализацией с. Голубина образование черниговско-суздальского рубежа, что, видимо, происходило из неверной локализации им этого пункта в современном Михневском районе Московской области.²¹ М. Ш. Погодин локализовал с. Голубино в 15 км к югу от Москвы, что также не соответствует всему комплексу упоминаемых в этом отрывке пунктов.²² Н. И. Надеждин и К. А. Неволлин, анализируя этот летописный сюжет, исходили из неверной посылки о том, что рязанские князья двигались через Москву, о чем в летописи прямых указаний нет.²³ И далее, следуя логике упоминаемых в отрывке событий, они полагали, что Литову надо искать западнее р. Нерской, т. е. на правой стороне р. Москвы, ибо «Изяслав относительно Георгия, шедшего из Владимира, был перед Кир Михаилом, стоявшем на Литове».²⁴ Волочек же и Голубино, по их мнению, были на левом, северном, берегу Клязьмы, причем Голубино — ближе к Владимиру, что действительно соответствует истине.

Для того чтобы внести ясность в этот вопрос, очевидно, необходимо постараться локализовать эти пункты, привлекая различные категории источников.

Поскольку Голубино действительно является первым пунктом остановки Георгия на пути поиска рязанских князей, то его, видимо, следует искать ближе к Владимиру. Писцовая книга земель Троице-Сергиева монастыря 1592—1593 гг. по Переяславль-Залесскому уезду упоминает на территории Мариинской волости Борисоглебского стана «пустошь, что была дер. Голубино, на рчк. Шередере».²⁵ Р. Шередера — левый приток Киржача.²⁶ Пустошь эта, как и целый ряд других, тянула к селу Халино,²⁷ которое еще до недавнего времени располагалось в самом верховье р. Шередеры.²⁸ Видимо, поблизости от этого села следует

²⁰ Некоторые летописи XV в. — Ермолинская, Львовская, Тверская — и Никоновская летопись (XVI в.) вместо Дроздны указывают р. Тростну, что, видимо, следует признать ошибкой переписчиков (ПСРЛ, СПб., 1910, т. XX, стб. 146; т. XXIII, с. 62; т. XV, вып. 1, с. 308; СПб., 1862, т. IX, стб. 60).

²¹ Насонов А. Н. «Русская земля»... с. 184.

²² Погодин М. Исследования, замечания и лекции. М., 1850, т. IV, с. 285.

²³ Там же, с. 286, примеч.

²⁴ Там же.

²⁵ Писцовые книги Московского государства. СПб., 1872, ч. 1, отд. 1, с. 848. — Далее: ПКМГ.

²⁶ Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976, с. 206.

²⁷ ПКМГ, с. 848.

²⁸ Карта изд. Генштаба 1918 г. (10 верст в дюйме).

искать и Голубино (рис. 2). Нашими обследованиями 1981 г. эта пустошь была выявлена археологически. Это — селище, расположенное рядом с сохранившимся до наших дней микротопонимом «Голубинский лес».²⁹ Здесь, близ Большой Покровской дороги на Владимир, согласно сведениям летописи, Георгий

Рис. 2. Военные действия между рязанскими и владимиро-суздальскими князьями в 1209 г.

Условные обозначения: а — границы княжеств; б — пункты, упоминаемые в летописи; в — движение князей; з — места остановки княжеских войск.

узнает, что Изяслав стоит «на Мерске», а Михаил — «на Литове». Изяслав, надо думать, стоял в верховьях р. Нерской, ибо только верхнее течение этой реки ближе к р. Дроздне и к Голубину. Кроме того, старая дорога из Коломны на Владимир еще в XVIII в. поворачивала от р. Москвы южнее р. Мезенки к северо-востоку и шла, очевидно, через верховья р. Нерской.³⁰ Что касается «Лптовы», то достаточно надежных данных для лока-

²⁹ Юшко А. А. Отчет о работе Разведочного Подмосковского отряда в 1981 г. — Архив Института археологии АН СССР, р. 1, д. 8658.

³⁰ ЦГАДА, ф. 1356, он. 1, д. 220/2511.

лизации этого пункта найти не удастся. Если наши локализации верны, то рязанские князья стояли в 30 км один от другого, блокировав дороги во Владимир из Москвы и Коломны. Георгий, узнав об этом, стал двигаться к р. Нерской через Волочек. Место этого пункта легко определяется по данным писцовых книг XVII в. (Волочек Зуев) на левом берегу р. Клязьмы, между реками Выркой и Дубной³¹ (см. рис. 2). Затем, переправившись близ Волочка на противоположный берег р. Клязьмы, Георгий преследовал «сторожи Изяславлих» вплоть до р. Дроздны, где и произошло окончательное сражение, принесшее ему победу.

Таким образом, вся географическая номенклатура летописного известия 1209 г. размещается близ течения р. Клязьмы и ее притоков, в 60—90 км к востоку от Москвы и с подмосковным, так же как и с михневским, Голубино не связана. Очевидно также, что военные столкновения происходили на территории Владимиро-Суздальского княжества, близ границ с Рязанским княжеством, и к выяснению чернигово-суздальского рубежа, как полагал А. Н. Насонов, они отношения не имеют.

Территория Рязанского княжества, как показал В. А. Кучкин на основе анализа летописных известий Лаврентьевской летописи 1186 и 1207 гг., простиралась и на левобережье р. Оки.³² Согласно А. Н. Насонову, Рязань утвердилась в низовьях р. Москвы не позднее первых десятилетий XII в.³³ Есть основания полагать, что рязанские владения по левобережью р. Оки простирались вплоть до р. Нерской. На страницах летописей иногда встречаются свидетельства о том, что р. Нерская была тем рубежом, куда выходили встречать и провожать высокопоставленных гостей послы рязанских князей и епископы. Так, Лаврентьевская летопись под 1207 г. сообщает, что вел. кн. Всеволода, идущего от Коломны и пришедшего на «усть Мерьскы», «постиже... епископ... с молбою и с поклоном от всех людей, князь же великий оттоле поиде в Володимер».³⁴ Когда в 1176 г. Михалко «поиде... на Глеба к Рязаню», то послы Глеба встретили его на «Мерьской».³⁵ Там же, только в верховьях реки, стоял и Изяслав во время вышеописанных событий 1209 г. Очевидно, что р. Нерская в значительной части своего течения составляла рубеж рязанских владений.

Местоположение смоленского рубежа определяется локализацией ряда восточных пунктов Уставной грамоты Ростислава Смоленского (1136 г.). Добрытипо на р. Пахре (застроенная окраина современного г. Подольска), Доброчков (верховье р. Нары), Бобровницы (в нижнем течении р. Протвы) — вот те окраинные

³¹ ААН СССР, ф. 620 (С. Б. Веселовского). Московский и Серпуховский уезды XVI—XVII вв. по писцовым книгам. Карта.

³² Кучкин В. А. Формирование государственной территории..., с. 97.

³³ Насонов А. Н. «Русская земля»..., с. 205.

³⁴ ПСРЛ. М., 1962, т. I, с. 183.

³⁵ Там же, т. XXV, стб. 86.

пункты, которые определяли этот рубеж.³⁶ На севере этого региона Смоленску принадлежала волость Искона, располагавшаяся в бассейне одноименной реки (см. рис. 1). Эта волость — единственная из территориальных единиц Уставной грамоты Ростислава, которая фигурирует в духовных грамотах московских великих князей.³⁷ В. Н. Дебольский локализует волость Икону конца XIV в. по правому берегу верхнего течения одноименной реки.³⁸

Однако А. Н. Насонов вслед за П. В. Голубовским ошибочно включил в состав смоленской территории XII в. часть волостей, фигурировавших впервые лишь в духовной грамоте вел. кн. Дмитрия Ивановича (ок. 1389 г.). Очевидно, нет никаких оснований относить эти волости к смоленской территории XII в. Речь идет о волостях Загорье, Берестов, Числов, расположенных в бассейне р. Москвы близ впадения в нее р. Рузы.³⁹ Следуя сведениям источников, мы имеем гораздо больше оснований провести границу Смоленского княжества XII в. по левому берегу р. Исконы, а затем, очевидно, вниз по течению р. Москвы.

Южный рубеж Смоленской земли, образующий границу с Черниговской землей, определялся местоположением погоста Беницы на р. Протве и Бобровниц в нижнем ее течении.⁴⁰

Проведенные, таким образом, границы крупнейших княжеств XII в. — Ростово-Суздальского, Смоленского, Черниговского и Рязанского — образуют территориальную лауну по правому берегу р. Москвы на юго-восток от Звенигорода до устья р. Северки и до Нары (см. рис. 1), заселенную, видимо, свободными общинниками, не подвластными княжеским данщикам вплоть до начала XIII в.

Интересные наблюдения, подтверждающие наши выводы, дает привлечение археологических данных.

В результате анализа всех известных в изучаемом регионе укрепленных поселений конца XI—XIV в. (64 городищ), сделанного на основе их археологической изученности и с учетом сведений письменных источников, можно наметить определенные типы этого рода поселений, исходя из их социально-экономической сущности: средневековые феодальные города, волостные центры, феодальные усадьбы, а также племенные и общинные ремесленные центры.

³⁶ Насонов А. Н. «Русская земля»..., с. 160, карта-вклейка; Алексеев Л. В. Устав Ростислава Смоленского 1136 года и процесс феодализации Смоленской земли. — В кн.: *Slowiane w dziejach Europy. Poznan, 1974*, s. 96, тара.

³⁷ «Исконская слободка» второй духовной грамоты вел. кн. Дмитрия Ивановича (ДДГ, с. 35).

³⁸ Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. — Зап. Рус. археол. об-ва, 1901, т. XII, вып. I, II, кн. 5, с. 171, карта-вклейка.

³⁹ ДДГ, с. 34, 35.

⁴⁰ Алексеев Л. В. Устав Ростислава Смоленского..., с. 96, карта-вклейка.

Картографирование их позволяет подметить определенные закономерности (см. рис. 1).

Города, возникшие в XII в., размещались близ границ княжеств, которые удается наметить по письменным источникам: Лобнинск — Черниговского княжества, Перемышль и Можайск — Смоленского, Звенигород, Москва и Дмитров — Ростово-Суздальского, Коломна — Рязанского княжества. Подобное историко-географическое наблюдение заставляет предположить, что строителями городов, очевидно, выступали князья этих крупнейших противоборствующих княжеств, которые ставили их в интересах безопасности своих окраин, о чем можно получить иногда сведения и в письменных источниках.⁴¹

Волостные центры, представлявшие собой, видимо, разновидность частновладельческих великокняжеских городков, на собственно московской территории лучше известны на основании духовных и договорных грамот для XIV в. (Радонеж, Шерна городок, Вышгород на Протве, Тушков, Вышгород на Яхроме, Хотунь и др.), они размещались в XIV в. также в основном близ границ Московского княжества.⁴²

Укрепленных поселений, представлявших собой феодальные усадьбы, на территории Московской земли было крайне мало. Для домонгольского периода пока удалось наметить всего два таких поселения (Неждино и Городищи). Оба они располагались на северо-западной окраине региона.

И лишь все укрепленные поселения, атрибутированные как племенные и общинные ремесленные центры,⁴³ размещались как раз на территории, свободной от княжеских границ (Успенское, Кунцево, Боровский курган, Боршево, Луковня — близ границ), (см. рис. 1). Это наблюдение весьма показательное.

⁴¹ Дмитров был основан в 1154 г. ростово-суздальским князем Юрием Долгоруким по случаю рождения у него сына (ПСРЛ, т. XXV, стб. 58). Им же, очевидно, были сооружены новые укрепления Московского Кремля в 1156 г. (там же, т. XV, с. 225). Волоколамск, согласно сведениям патерика Досифея Топоркова, был заложен Ярославом Мудрым (*Зимин А. А.* Новгород и Волоколамск в XI—XV веках. — В кн.: Новгородский исторический сборник. Новгород, 1961, вып. 10, с. 99).

Подобная закономерность в географии городов наблюдается и в отношении тех из них, которые возникли в XIV в. Все четыре новых города этого времени — Новый городок, Оболенск, Боровск и Лужа — отмечают юго-западные рубежи Московского княжества, демонстрируя умелую политику московских великих князей 50—80-х гг. XIV в., вынуждавшую обезопасить этот район в связи с возрастанием мощи Литовского государства.

⁴² Анализ духовных и договорных грамот показывает, что волостными центрами служили не только укрепленные поселения, но и обширные селнца, которых было больше во внутренних районах княжества.

⁴³ Для них характерна незначительная площадь поселений, возникавших, как правило, на основе небольших городищ раннего железного века, материальная культура которых характеризуется наличием значительного количества «племенных» украшений, совмещенным характером построек, когда одно и то же помещение служило и жильем, и производственным.

Если к этому привлечь данные, основанные на общем комплексе археологических памятников домонгольской поры изучаемого региона, то увидим, что именно на эту территорию приходится наибольшая плотность памятников (рис. 3), что, видимо, является отражением также и наибольшей плотности населения. В этой связи становится понятной и та причина, которая послужила препятствием для проникновения сюда княжеской власти; концентрация населения, очевидно, обеспечивала возможность долгое время оказывать ей сильное сопротивление, свидетельством чего являются находки оружия абсолютно на всех укрепленных поселениях, относящихся к племенным и ремесленным центрам.

Я. С. ЛУРЬЕ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ РАДЗИВИЛОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Сравнительное изучение Радзивилловской и Лаврентьевской летописей, предпринятое А. А. Шахматовым и продолженное М. Д. Приселковым, обнаружило, что обе эти летописи, содержащие до 1110 г. одну и ту же (Сильвестровскую) редакцию Повести временных лет, значительно расходятся в тексте за XII—начало XIII в. (которым завершается Радзивилловская летопись), причем Радзивилловская летопись (далее: Радз.) совпадает с Московско-Академической (Московско-Академическим списком Суздальской летописи) с начала и до своего окончания под 1206 г. (в Московско-Академической далее следует текст из иного источника) и с Летописцем Переяславля Суздальского начиная с 1138 г. (до этого в Летописце читается иной текст). Анализ этих расхождений дал основание обоим ученым прийти к выводу, что Лаврентьевская летопись (далее: Лавр.) до начала XIII в. отражает более ранний северо-восточный (владимирский) свод, а Радз. и близкие к ней тексты — более поздний свод, составленный в 1212—1216 гг.¹ Вывод этот был принят и другими исследователями.²

¹ Шахматов А. А. 1) Исследование о Радзивилловской или Кенигсбергской летописи. — В кн.: Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. СПб., 1902, т. II, с. 86—91. (Общество любителей древней письменности; Вып. СХVIII); 2) Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938, с. 11—12, 52—53; Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 59—87.

² Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 271—272, 278—279, 436—437; Насонов А. Н. 1) Малоисследованные вопросы ростово-суздальского летописания XII в. — В кн.: Проблемы источниковедения. М., 1962, т. X, с. 385—386; 2) История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1964, с. 157, 159; Береж-